

Грамматическое и психологическое прочтение пьесы «Шарманка» А.П. Платонова

Елисей И. Мясников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elisey2706@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена пьесе Андрея Платонова «Шарманка». Ее анализ показывает, как оригинальный и потаенный язык соотносится со смыслом текста и с жизнью автора. Также произведение рассматривается в контексте поэтики близлежащих на временном отрезке трудов писателя: выявляются общая тенденция мысли, инвариантность деталей и тем, различные комбинации мотивов и развитие некоторых лейтмотивов. В качестве метода исследования используется герменевтика в определении Фридриха Шлейермахера – как искусство понимания и истолкования текста: «грамматическое» и «психологическое» в данном анализе являются тождественными сторонами – они не разделены, а постоянно соприкасаются, взаимопостигаются как часть и целое в герменевтическом круге. Это позволяет, во-первых, подойти к рассмотрению трудных мест через призму жизни автора, тем самым дать им обоснованное и убедительное объяснение; во-вторых, назвать «Шарманку» отчасти автобиографическим произведением. Таким образом, в статье исследуются: своеобразие платоновского языка, его связь с реалиями советского времени 20–30-х гг.; пересечение сюжета пьесы с важными событиями жизни писателя, например отречением от него литературного сообщества, в частности покровителя и товарища Александра Фадеева; место «Шарманки» в творческом наследии Андрея Платонова.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Шарманка», литературоведение, герменевтическое прочтение

Для цитирования: Мясников Е.И. Грамматическое и психологическое прочтение пьесы «Шарманка» А.П. Платонова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 224–233. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-224-233

Grammatical and psychological reading of Platonov's "Sharmanka (Barrel Organ)"

Elisei I. Myasnikov

*Russian State University for the humanities, Moscow, Russia,
elisey2706@mail.ru*

Abstract. The article deals with Andrei Platonov's play "Sharmanka". Its analysis shows how the author's original and hidden language relates to the meaning of the text and to the author's life. The play is also considered in the context of the poetics of the writer's works close in time: the general tendency of thought, invariance of details and themes; different combinations of motifs and development of some leitmotifs are revealed. The method used is hermeneutics, as it is defined by Friedrich Schleiermacher – the art of understanding and interpreting the text. The "grammatical" and the "psychological" sides in such analysis remain identical – they are not separated, but constantly touching and mutually perceiving, like part and parcel in a hermeneutic circle. First of all, that allows to approach the interpretation of difficult parts through the prism of the author's life, thereby giving them a reasonable and convincing explanation; and secondly, to call "Sharmanka" partly an autobiographical work. Thus, the article studies the originality of Platonov's language, its connection with the realities of Soviet times in the 20s and 30s; the intersection of the plot with important events in the writer's life, such as the repudiation of the literary community, in particular his patron and comrade Alexander Fadeev; as well as the place of "Sharmanka" in the creative legacy of Andrei Platonov.

Keywords: Andrey Platonov, "Sharmanka", literary criticism, hermeneutical reading

For citation: Myasnikov, E.I. (2022), "Grammatical and psychological reading of Platonov's 'Sharmanka' (Barrel Organ)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, part 2, pp. 224–233, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-224-233

А.П. Платонов оставил большое наследие: многочисленные рассказы, стихотворения, романы, повести, статьи, сценарии и пьесы. Большую трудность для исследователей составляет установление количества и качества редакций и точной даты написания того или иного произведения (Н. Малыгина утверждает, что и «жизнеописание Платонова далеко от завершения» [Малыгина 2011, с. 494]). Однако чтобы проанализировать текст, сопоставить его с жизнью автора и выявить развитие тем относительно предыдущих трудов, нужно точно определить время создания работы: это осуществимо, если обратить внимание на детали.

По некоторым данным «Шарманка» – первое крупное произведение после «Котлована» и первый опыт Платонова в самостоятельном написании пьесы (до нее была создана комедия «Дураки на периферии», написанная совместно с Борисом Вогау, более известным под псевдонимом Пильняк). Эта гипотеза основана на описаниях, указывающих на исторический контекст, которые дают право предполагать дату написания «Шарманки» – декабрь 1930 г. (подробно об этом – статья Н. Дужиной «Пьеса А. Платонова “Шарманка” в контексте политической и общественной жизни страны» [Дужина 2009, с. 176–207]). Дужина убедительно разбирает каждую деталь, которая могла бы помочь в датировке произведения. Исследователи Н. Корниенко [Корниенко 1993, с. 170] и Т. Мальцева [Мальцева 2008, с. 168] также высказывают мнение, что пьеса написана в 1930 г.

Фридрих Шлейермахер справедливо утверждает, что «всякого говорящего можно понять только на фоне его национальности и эпохи» [Шлейермахер 2004, с. 45]. Советская эпоха не так далека от нас, чтобы ее забыть, и не так близка, чтобы не иметь возможности проанализировать со стороны. Зная контекст, необходимо сопоставить его с текстом, чтобы в таком сравнении найти смысл, лежащий вне «грамматической» стороны пьесы, который не может быть выявлен только исходя из художественного мира, но в состоянии представить обоснованную интерпретацию «темных мест».

Каждый читатель Андрея Платонова наверняка чувствовал его самобытный стиль письма: понятный, но не ясный; работающий, но будто неправильно; доводящий информацию, но в то же время потаенный, скрывающий нечто большее, чем обыденное обозначение предметов и явлений. Несмотря на особый слог, русскому человеку (в отличие от иностранцев, не впитавших тот же культурный слой, что и автор) под силу понять писателя, контекст, стоящий за каждой отдельной фразой и за произведением в целом. Однако в этой работе и в этом анализе языка я больше хочу уделить внимание тексту как части поэтики и жизни Андрея Платонова, нежели сопоставлению с историческими событиями. Хотя, конечно, совсем без этого обойтись нельзя.

Я предлагаю внимательнее посмотреть на эти странные, но типичные для писателя словосочетания, понять, как они работают в «Шарманке». Начнем с самого очевидного и простого – с канцеляризмов. Щоев хочет оставить Алешу и Мюд в своем кооперативе: ему нравится их музыка. И для этого он привлекает музыкальные силы в многолаговочную систему в штат утешителей. Щоев, в принципе, общается подобным образом. Его речь приобрела деловой стиль, да так и вьелась: когда у него крутит живот, он считает, что

у него «болит...тело от продовольственных нужд»¹. Такая ирония над бюрократическим языком для Платонова не нова и всегда принимает одну форму: преувеличенную, доведенную до абсурда и комичную.

В речи платоновских героев нередко можно услышать и газетную лексику: один ругается на всех подряд, называя «право-левым элементом»², и поминает Папу Римского (он часто упоминался в газетах того времени после его призыва бойкотировать советские товары); другой ищет оппортунистов, находя это зло в самом себе; третья делит людей на ударников, культработников, буржуев, подшефных и фашистов. В советское время многие были подвержены тенденции использовать эти выражения, почти у всех они были на устах. Но никто не вдавался в рассуждения о классовом происхождении и сознании природы. В этом, несомненно, выражается платоновская ирония.

Также Платонов часто в своих текстах расставляет реминисценции: чаще всего информативные, нужные для понимания текста и контекста. Например, стремление Стервенсона приобрести душу роднит его с Чичиковым, только вот что именно он подразумевает под душой – не так явно. Имя датского профессора, во-первых, дает некий собирательный образ ученому: Эдуард – англосаксонское имя, и Гансен – германское; во-вторых, наделяет его таинственным смыслом: ведь Валькирия происходит от древнеисландского *valkurlja* – «выбирающая убитых». В скандинавской мифологии валькирии определяют судьбу воинов, решают, кому быть убитым, а кому – остаться в живых. Кооперативное предприятие мало похоже на поле битвы (по крайней мере вначале, когда Стервенсон только появляется), но интересен сам факт появления поэтики мистериальности в драме: сцена с выбором души, уже и до того казавшаяся аллегорической, предстает как обряд, культовое мероприятие.

Вышенаписанное дает основание рассматривать и сцену дегустации новой пищи не просто как иронию: перед подачей яств Алеша запускает шарманку, и она играет «На сопках Маньчжурии» – вальс, посвященный погибшему в Русско-японской войне Мокшанскому полку. После трапезы шарманщик вновь играет некий вальс и люди начинают кружиться в inferнальном танце: Опорных блюет в урну; из первой служащей «выходит вся душа»³,

---

¹ Платонов А. Шарманка / Сост. А. Булыгин. Мюнхен: Im Werden Verlag. Некоммерческое электронное издание, 2004. С. 9. URL: https://imwerden.de/pdf/platonov_dramaturgija.pdf (дата обращения 27.06.2022).

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 26.

которую датский профессор сразу же предлагает продать ему; все люди корчатся в судорогах, не отрываясь от танца. Такое издевательство над людьми только подтверждает – с первого взгляда забавное – утверждение Стервенсона про начальство кооператива: «...у них нет бог, остался его товарищ – щорт»⁴. После того, как музыка стихает, следуют слова из «Марша Буденного»:

...Высоко в небе ясном...

<...>

...Вьется алый стяг...⁵.

Однако если, слушая песню, представляется поднятое развивающееся на ветру красное знамя, то вырванные строки, звучащие из уст Мюд и Кузьмы, рисуют картину неба, стягивающегося вихрями кроваво-алой краски. Не зря Михаил Геллер называл «Шарманку» самым злым произведением у Платонова [Геллер 1982, с. 310].

Четвертая особенность стиля – совмещение свойств двух предметов в одном. Сломанная метафора, которая предполагает не сравнение, основанное на общем признаке, а совмещение противоположностей (это совмещение чаще всего идет бок о бок с овеществлением или олицетворением). Читателю предстает эта особенность платоновского языка (которая является во всех произведениях автора без исключения) в моментах, когда «минимум» [Шлейермахер 2004, с. 50] – повседневная речь персонажей – перемешивается с «максимумом» [Шлейермахер 2004, с. 51] – самобытным и оригинальным слогом: в «Шарманке» неимущий дух материализовался и стал раскулачен; монгольскую красоту *созревших* женщин стало можно продать, как и надстройку; а «научность, которая знает пищу» обращается к «русским максимальным людям»⁶.

Есть еще и выражения, с первого взгляда относящиеся к предыдущему разряду, но которые таят смысл, находящийся в себе самих; если подумать над ними, диалектически продолжить их логику, этот смысл открывается. Например, Серена, показывая на Кузьму, говорит, что «он знает все, как патрон»⁷. К этим словам я еще вернусь, чтобы показать всю их зловещую суть.

Данные средства выразительности имеются и в других текстах Платонова, но странный факт: в «Шарманке» то, что должно пу-

⁴ Платонов А.П. Шарманка. С. 19.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 8.

гать – смешит. Если в «Чевенгуре» смерть – тайна и встреча со своими утерянными родными, а в «Котловане», как точно подметила Е.Н. Проскурина, «жертва Насти в большей степени семантически новозаветна, ибо главное ее назначение в тексте – спасение гибнущего мира» [Проскурина 2001, с. 101], то в данной пьесе смерть нелепа и фиктивна, театральна.

Есть и оппозиция «механизм–природа» (хотя С.Г. Бочаров [Бочаров 2014, с. 354–355] и утверждает, что в поэтике Платонова машина и природа не противопоставляются, я склонен считать иначе) в тексте «Шарманки», однако она развивается в другую, более фундаментальную, а именно «механизм–человек». Кузя – железный человек – имеет все качества человека обычного: единственное, чем он отличается от настоящего – металлическое тело; в четвертой картине второго акта аплодисментов и радостных криков даже не ждут от людей: за них радуется механизм; «сердечное заблуждение»⁸, по словам Евсея, исправляется механически; Алеша тяготится людьми: «...когда же настанут будущие люди – мне надоели, кто живет сейчас»⁹, но кто для него эти «будущие люди»? Ответ может содержаться в третьей картине, где Щоев, Евсей, Клокотов и Алеша подумывают заменить людей машинами: «Я бы всю республику на механизмы перевел и со снабжения снял»¹⁰. Они дошли до главной идеи социализма, по мнению Свидригайлова из записной книжки Ф.М. Достоевского: «Главная мысль социализма – это механизм. Там человек делается человеком механикой. На все правила. Сам человек устраняется. Душу живую отняли»¹¹.

Таким образом, «Шарманка» вмещает в себя сразу несколько пластов смысла, связанных с разными реальностями, но именно прямой смысл связан с художественной реальностью – все слова и события понимаются непосредственно. Ироническое значение пьесы приобретает, если посмотреть на нее через призму политической и культурной жизни СССР 20-х и 30-х гг. Можно найти и религиозный смысл происходящего, если обращать внимание на детали, указывающие на мифологические и библейские мотивы. Держа в голове такие платоновские лейтмотивы, как: «тайнообразующая

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / Редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 7: Преступление и наказание: Рукописные ред. / Тексты подгот. и примеч. сост. Л.Д. Опульская и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. С. 161.

сила музыки»¹²; оппозиция «механизм–природа»; скитальчество в поисках своего места и человека; «вещество существования» и полемика с философскими концепциями Николая Федорова и Александра Богданова, – обнаруживаешь их продолжение и развитие. Но в пьесе существует и еще один смысл, который связан с личной жизнью Андрея Платонова.

Для раскрытия этого смысла необходимо заострить внимание на трех персонажах: Алеше, Кузьме и Мюд. Начну, пожалуй, с последней. Это подросток, полностью доверяющий своему товарищу Алеше и уповающий на коммунистический режим. М.В. Богомолова [Богомолова 2011, с. 105–106] точно подметила, что некоторые ремарки относятся не столько к режиссеру театральной постановки, сколько к читателю: одна из таких ремарок про Мюд – «...всегда трогает руками тех людей и предметы, с которыми вступает в отношения»¹³. Поистине детская особенность. И вместе с тем этот ребенок строг и тверд в своих убеждениях: ради идеи она оставляет родного ей человека – Алешу – и отправляется «по колхозам и постройкам в социализм»¹⁴. Образ Мюд схож сразу с несколькими образами из «Ювенильного моря», которое датируется 1932 г., т. е. которое написано почти сразу после «Шарманки».

В тексте, на самом деле, несколько деталей, которые получили место и в «Море юности» (второе название повести). Странствующий инженер будет скитаться уже без товарища и с другим музыкальным инструментом – с гармонью; высказывание Кузьмы «живите смирно»¹⁵ станет девизом по жизни Умрищева – такого же оппортуниста, как Кузьма, и такого же бюрократа, как Щоев; незамеченная фраза, брошенная кем-то посреди собрания об аборте, превратится в важную деталь, характеризующую Босталоеву сердобольной, но сильной женщиной, которая всегда готова на самопожертвование; путешествие в Европу станет добровольным, а много раз упомянутый, но неизвестный для простых людей термин интервенции так и останется устрашающим и непонятным. Нельзя с уверенностью сказать, что упоминание тех же деталей в следующем по хронологии тексте является их развитием, но факт этот указывает, в первую очередь, на направление мысли писателя и на предметы, занимавшие его. Есть и еще одна деталь, даже не деталь, а скорее – тема, присутствующая

---

¹² Платонов А.П. Чевенгур // Платонов А. Мюнхен: “Im Werden Verlag”. Некоммерческое электронное издание, 2006. С. 7. URL: https://imwerden.de/pdf/platonov_dramaturgija.pdf (дата обращения 27.06.2022).

¹³ Платонов А.П. Шарманка. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 6.

в обоих текстах: это тема предательства. Железный человек задолго до шестой картины, где Алеша осознает себя как классового врага, произносил сомнительные фразы («сейте кенаф и клещевину»). Не точно ли так же Платонов хотел «героя сделать, а он сломался»¹⁶? Не точно ли так же Андрея Климентова покинет его друг и товарищ (Александр Фадеев – первый секретарь союза писателей и друг Платонова – опубликовал разгромную рецензию на повесть «Впрок», на печати которой сам настоял), а общество будет осуждать его?

Опубликованы «Епифанские шлюзы» – сначала мало замеченный, а затем отторгнутый сборник прозы; написан рассказ «Усомнившийся Макар» – не принятая критикой притча, выпущенная, как оказалось, «по ошибке» редакции «Октября» (кстати, главным редактором которого был тот самый Фадеев). Платонов не был противником советской власти: он не хотел писать разоблачительные книги и даже не хотел быть «попутчиком» – он желал стать советским писателем, создать произведение в духе соцреализма. И он работал над этим: в качестве ответа на критику он пишет «Первого Ивана» – работу, которую сочли за симптом выздоровления. Автор нерукопожатных вещей кается и обещает написать настоящую революционную, пролетарскую книгу. И пишет «Котлован». И этот «Котлован», как патрон, знает все – даже больше, чем его автор – знает изнутри. Вышел, бесспорно, шедевр сродни чуду, будто бы инженер изобрел говорящего робота, способного ощущать и имеющего собственную волю. Однако «жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву» [Элиаде 1996, с. 214]. Эти слова точно характеризуют творческие акты автора «Шарманки». Художественный гений – Платонов подавлял Платонова-человека: «Лежа в постели, я увидел, как за столом сидел тоже я, и, полуулыбаясь, писал. Притом то я, которое писало, ни разу не подняло головы и я не увидел у него своих слез» [Платонова 1989, с. 380]. В самой пьесе противоречий между грамматической и психологической стороной нет, они идентичны, но противоречие кроется именно в жизни. Андрей Платонович Климентов был коммунистом, искренним приверженцем социалистического строя, гражданином Советского Союза, человеком, желавшим перестройки мира, полной автоматизации всего. А Платонов был гениальнейшим писателем. И вот никак эти две личности не уживались: одна из-за другой страдала. И хотя сначала Андрей «глубоко искренне»¹⁷ верил, что идет в социализм, потом, оставшись на месте и провозжая ювенильную силу в путь по «стра-

---

¹⁶ Там же. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 11.

не трудного счастья»¹⁸, ощутил расставание со своим близким товарищем и его отречение «прощай, гад-присмиренец»¹⁹.

Итак, «Шарманка» Андрея Платонова – не только программный текст писателя, вмещающий многие детали, мотивы и темы, а также языковые особенности, не раз возникавшие впоследствии в текстах; но и отчасти автобиографическое произведение, отражающее нелегкую судьбу автора.

Литература

- Бочаров 2014 – *Бочаров С.Г.* Вещество существования: филологические этюды. М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2014. 464 с.
- Богомолова 2011 – *Богомолова М.В.* Ремарки и их функции в формировании авторской позиции: «Шарманка» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Вып. 7. С. 104–116.
- Геллер 1982 – *Геллер М.* Андрей Платонов в поисках счастья // Геллер М.Я. Париж: Утса-Press, 1982. 408 с.
- Дужина 2009 – *Дужина Н.* Пьеса А. Платонова «Шарманка» в контексте политической и общественной жизни страны // Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 176–207.
- Корниенко 1993 – *Корниенко Н.В.* История текста и биография А.П. Платонова // Здесь и теперь. 1993. № 1. 319 с.
- Мальгина 2011 – *Мальгина Н.М.* «Быть человеком – редкость и праздник» // Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. М.: Время, 2011. С. 494–543.
- Мальцева 2008 – *Мальцева Т.В.* Особенности конфликта в пьесе Платонова «Шарманка» // Творчество Андрея Платонова. Кн. 4. СПб.: Международная академическая издательская компания «Наука/Интерпериодика», 2008. С. 168–176.
- Платонова 1989 – *Платонова М.* «Живя главной жизнью...» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) // Платонов А. «Живя главной жизнью...». М.: Правда, 1989. С. 380.
- Проскурина 2001 – *Проскурина Е.Н.* Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20–30-х годов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 264 с.
- Шлейермахер 2004 – *Шлейермахер Ф.* Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского; науч. ред. Н.О. Гучинская. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.
- Элиаде 1996 – *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии: Пер. с англ. М.: REFL-book; К.: Ваклер, 1996. 288 с.

¹⁸ *Платонов А.П.* Ювенильное море // Платонов А. Мюнхен: “Im Werden Verlag”. Некоммерческое электронное издание, 2003. С. 8. URL: https://imwerden.de/pdf/platonov_dramaturgija.pdf (дата обращения 27.06.202).

¹⁹ *Платонов А.* Шарманка. С. 38.

References

- Bocharov, S.G. (2014), *Veshhestvo sushhestvovaniya: filologicheskie e`trudy`* [The substance of existence. Philological etudes], "Russkii Mir": Zhizn' i mysl', Moscow, Russia.
- Bogomolova, M.V. (2011), "Remarks and their functions in the formation of the author's position. 'Barrel organ' ", in "Strana filosofov" Andreya Platonova: problemy` tvorchestva ["The Land of Philosophers" by Andrey Platonov. Problematics of his works], IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 104–116.
- Eliade, M. (1996), *Mify, snovideniya, misterii* [Myths, dreams, mysteries], REFL-book, Moscow, Russia, Vakler, Kyiv, Ukraine.
- Geller, M. (1982), *Andrei Platonov v poiskax schast`ya* [Andrey Platonov in search of happiness], Ymca-Press, Paris, France.
- Duzhina, N. (2009), "A. Platonov's play 'Barrel organ' in the context of the political and public life of the country", in *Voprosy` literatury*, no. 1, pp. 176–207.
- Kornienko, N.V. (1993), "The history of the text and the biography of A.P. Platonov", in *Zdes' i teper`* [Here and now], Moscow, Russia.
- Malygina, N.M. (2011), "Being human is a rarity and a celebration", in Platonov, A.P. *Usomnivshijsya Makar: Rasskazy` 1920-x godov; Stikhotvoreniya* [Doubting Makar. Stories of the 1920s; Poems], Vremya, Moscow, Russia, pp. 494–543.
- Mal'tseva, T.V. (2008), "Features of the conflict in Platonov's play 'Barrel organ' ", in *Tvorchestvo Andreya Platonova* [Works of Andrey Platonov], Mezhdunarodnaya akademicheskaya izdatel'skaya kompaniya "Nauka/Interperiodika", Saint Petersburg, Russia, pp. 168–176.
- Platonova, M. (1989), " 'Living the main life...' (A. Platonov in letters to his wife, documents and essays)", in Platonov, A. "Zhivya glavnoi zhizn`yu..." ["Living the main life..."], Pravda, Moscow, Russia, p. 380.
- Proskurina, E.N. (2001), *Poetika misterial'nosti v proze Andreya Platonova kontsa 20–30-kh godov* [The poetics of mysteriousness in Andrey Platonov's prose of the late 20s–30s], Sibirskii khronograf, Novosibirsk, Russia.
- Shlejermakher, F. (2004), *Germenevtika* [Hermeneutics], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Елисей И. Мясников, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elisey2706@mail.ru

Information about the author

Elisei I. Myasnikov, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; elisey2706@mail.ru